

Н. З. Кунина

Стеклянные сосуды из керченского склепа Деметры

Склеп Деметры получил свое название в связи с сюжетами украшающих его росписей. Он был обнаружен в 1895 г. в Керчи, в районе Глиница, во дворе частной усадьбы ее владельцев, и опубликован М. И. Ростовцевым в его капитальном труде «Античная декоративная живопись на юге России»¹.

В 1896 г. предметы, найденные в склепе, поступили в Императорский Эрмитаж².

Склеп сохранился до наших дней, но росписи его пострадали. Он представляет собой почти квадратную погребальную камеру с коротким дромосом и ведущим к нему наклонным спуском. Полуцилиндрический свод дромоса и его стены оштукатурены и покрыты росписями. Главное изображение находится в центре свода. Это круглый, окаймленный венком медальон с погрудным изображением Деметры, написанным с большим мастерством. Пышные каштановые волосы до плеч, золотое ожерелье на шее, синий хитон — это лишь обрамление. Главное — это лицо богини, строгое, с плотно сжатыми губами и широко открытыми глазами, устремленными вдаль; оно наполнено скорбью матери, ищущей внезапно пропавшую дочь.

В полукруглой люнетке против входа в склеп расположена сцена похищения Коры, дочери Деметры, богом подземного царства Плутоном, увозящим ее на колеснице. Роспись, выполненная явно другим художником, отличается плоскостностью изображений, искажением пропорций фигур и анатомическими неточностями.

¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914. Т. 1: Текст. С. 199–226. Т. 2: Атлас. Табл. LVI–LXI.

² Предметы из склепа Деметры хранятся в отделе античного мира Гос. Эрмитажа. Инв. № П. 1896.2241.

Бородатый бог стоит в квадриге, прижимая к себе кукольную фигурку девушки, возница с кнутом и поводьями «парит» над лошадьми.

По обе стороны от проема, внутри склепа изображены проводники душ умерших в загробный мир: справа — нимфа Калипсо в покрывале, наброшенном на голову в знак траура, и хитоне, слева — обнаженный Гермес, бегущий в крылатых сандалиях и держащий кадуцей с крылышками в левой руке.

Пространство верхней части стен и сводчатого потолка заполнено изображениями птиц, гроздьев винограда, плодов (груш, яблок, гранатов), растительными гирляндами, букетами маков, листьями и цветочными лепестками, символизирующими вечную обитель душ умерших.

Склеп Деметры был открыт неразграбленным. Его состояние свидетельствует о том, что погребения в нем совершались дважды. Вдоль боковых стен склепа стояли два деревянных саркофага (они распались и не попали в Эрмитаж). Прах первых погребенных, изъятый из саркофагов, оказался сброшенным в кучу у входа в склеп с наружной стороны. В саркофаг поместили новых покойников. При этом был нарушен первоначальный порядок размещения погребального инвентаря. Разнообразные предметы (все они, по мнению Ростовцева, принадлежали первым погребенным) находились в разных местах склепа, в том числе и около саркофагов, и под одним из них.

Набор вещей отражает высокий материальный уровень первых погребенных. Среди находок были золотые листья от погребального венка. Возможно, погребальных венков было два, т. к. в склепе оказались две золотые индикации — оттиски с монет, обычно служившие украшениями золотых погребальных венков (как правило, одна индикация в центре венка). Кроме того, здесь обнаружены две круглые золотые бляхи со штампованным орнаментом, два золотых перстня с резными камнями, золотые бусины. К серебряным изделиям относятся два предмета — украшение в форме раковины и пряжка в виде фигуры сфинкса с львиным туловищем. В северном углу склепа стоял бронзовый канделябр на трех львиных лапах, богато орнаментированный, в том числе серебряной инкрустацией. Среди погребального инвентаря находились и бронзовые детали от деревянных шкатулок (вероятно, двух) — пластинки-обивки и 8 полых ножек в виде босой человеческой ступни с частью ноги (внутри них сохранились остатки дерева). Помимо этого имелся здесь и бронзовый сосуд — патера с бараньей головкой на конце ручки.

В склепе оказалось много разбитой стеклянной посуды. Очевидно, она была разбита в результате поспешных действий людей, совершавших второе захоронение. Обломки этих сосудов в Эрмитаж не попали.

К счастью, до нас дошли три целых стеклянных сосуда — две ойнохои (кувшины с трехлопастным венчиком) и стакан. Одна ойнохоя из одноцветного стекла стояла около западного саркофага, другая, из разноцветного стекла, — около восточного. Местонахождение стакана не установлено.

Настоящая статья посвящена этим трем стеклянным сосудам.

Найденные в склепе ойнохои очень близки по размерам и идентичны по форме и рельефному декору. Оба сосуда выполнены в технике выдувания в форму.

1. Ойнохоя инв. № П. 1896.32 сделана из прозрачного бледно-зеленого стекла. Высота 17,9 см. Размеры венчика 5,9×6,5 см. Наибольший диаметр тулова — 10,2 см. Диаметр дна — 5,6 см (рис. 1).

2. Ойнохоя инв. № П. 1896.33 сделана из прозрачного темно-синего стекла, покрытого с внешней стороны пятнышками непрозрачного белого и желтого стекла.

Высота 18,1 см. Размеры венчика 6,3×6,8 см. Наибольший диаметр тулова — 10,2 см. Диаметр дна — 5,6 см (рис. 2).

Сосуды имеют высокое горло с широким венчиком в виде трилистника, покатые округлые плечи, сужающееся книзу тулово, изящную ручку с плоским полукруглым выступом над венчиком и слегка вогнутое дно с плоским вдавленным кружком (диаметр — 1 см) в середине, с рельефной точкой в центре.

Рельефный декор, покрывающий сосуды сверху донизу, распределен по четырем ярусам, отделенным друг от друга горизонтальными рельефными поясками. Горло по всей длине орнаментировано примыкающими друг к другу узкими лепестками, обращенными вниз; концы лепестков переходят на перегиб к плечам сосуда. Плечи украшены поясом обращенных вниз крупных пальметок, которые через одну имеют круглое обрамление. Под поясом пальметок расположена широкая зона сеточки из ромбиков. Нижнюю часть сосуда занимает «корзинка» из удлиненных лепестков, обращенных концами вверх.

Швы (следы глиняной разборной формы, в которой выдувались сосуды) проходят на обеих ойнохоях совершенно одинаково. Каждый кувшин имеет три шва: два вертикальных, начинающихся чуть ниже венчика и доходящих до нижнего края «сеточки», делят верхнюю часть сосуда на два сектора, неравных по размерам; третий, горизонтальный, шов отделяет меньшую нижнюю часть, орнаментированную лепестками, вместе с дном. Этот горизонтальный шов искусно скрыт рельефным пояском, отделяющим сеточку от лепесткового орнамента.

Расположение швов показывает, что для выделки сосудов применялась трехчастная разъемная форма: матрица для верхней части кувшина — от верха горла (без венчика) до пояса сеточки включительно — составлялась из двух неравных по размеру секций; матрица же для нижней части стенок вместе с дном составляла единое целое.

Одинаковое расположение швов у обеих ойнохой свидетельствует о том, что они вышли из одной формы. Это подтверждается еще и тем, что оба кувшина имеют одну и ту же погрешность в орнаменте: между двумя лепестками в нижнем орнаментальном ярусе случайно образовалась рельефная перемычка. Этот случайный дефект расположен у обоих сосудов на одном и том же месте. Следовательно, погрешность была допущена при исполнении орнамента самой матрицы, в которой выдувались кувшины.

Небольшие различия не только в размерах ойнохой, но и в их очертаниях, при том что они вышли из одной матрицы, вполне объяснимы. Во-первых, верх горла кувшинов с трехлопастным венчиком и ручки исполнялись вручную. Во-вторых, более пластичное прозрачное зеленое стекло при ручной доделке кувшина (в частности, когда к тулову прижимали ручку) слегка осело. По этой же причине тулово зеленой ойнохой в нижней части сдавлено с двух сторон — это следы инструмента, которым держали сосуд, когда формовали венчик и прикрепляли ручку. Синяя же ойнохой, включающая в себя более плотное глушеное белое и желтое стекло, при доделке оказалась более устойчивой к деформации.

Следует отметить, что в отделе античного мира Эрмитажа хранится и третья ойнохой, сделанная из прозрачного темно-синего стекла с пятнами глушеного белого стекла на поверхности. Она изготовлена в той же матрице, что и обе ойнохой из склепа Деметры. У нее такая же высота, как у пестро-пятнистой ойнохой из синего стекла, т. е. 18,1 см, а расположение швов от формы и погрешность в нижнем ярусе орнамента полностью совпадают с этими же элементами кувшинов из склепа

Деметры. Она поступила в Эрмитаж в 1896 г. из коллекции В. Н. Вырубова (инв. № Е 560) как приобретенная в Керчи. Все три ойнохои публиковались³.

М. И. Ростовцев, первый издатель сосудов из склепа Деметры, сопоставил орнамент ойнохой с орнаментом хранящейся в Эрмитаже стеклянной амфоры с двустрочной греческой надписью «Эннион делал»⁴. Сходство орнаментальных мотивов (лепестковый орнамент, пальметки, «сеточка») и принцип их расположения горизонтальными ярусами привели Ростовцева к предположению, что эти неподписные ойнохои вышли из мастерской Энниона. Пока труд ученого готовился к изданию, его мысль блестяще подтвердилась находкой аналогичного кувшина из Музея Метрополитен. В специальном дополнении в конце книги Ростовцев опубликовал фотографию сосуда из Музея Метрополитен⁵. Этот кувшин имеет ту же форму и тот же орнамент, что и керченские ойнохои, но в отличие от них имеет круглый венчик, а, самое главное, — в орнаментальный пояс «сеточки» у него включена рамка с двустрочным греческим клеймом «Эннион делал». К выводу Ростовцева о принадлежности неподписных ойнохой мастерской Энниона в дальнейшем присоединились Г. М. Рихтер⁶ и Д. Б. Харден⁷.

Сейчас уже опубликованы и другие аналогичные кувшины. Всего вместе с эрмитажными по публикациям известно семь аналогичных кувшинов, составляющих единую «семью». Четыре из них неподписные — три эрмитажные ойнохои и одна ойнохоя из Музея стекла в Корнинге, США⁸. Три подписных кувшина с клеймом «Эннион делал» хранятся в Музее стекла в Корнинге⁹, в Музее Метрополитен¹⁰ и в Музее Хаарец в Тель-Авиве¹¹. Все семь сосудов аналогичны по форме. Варьируются лишь детали, связанные с ручной работой: длина горла, очертания венчиков и ручек; некоторые экземпляры имеют ножку. Рельефный декор у всех повторяется. Единственное отличие состоит в том, что у подписных экземпляров в пояс «сеточки» включена рамка с двустрочным клеймом «Эннион делал», расположенная на одной стороне сосуда. Отметим, что все подписные сосуды имеют обычный круглый венчик, а неподписные — венчик в виде трилистника. Возможно, таким образом Эннион отличал свои изделия от продукции подмастерьев.

Клейма у всех подписных экземпляров идентичны по характеру букв, расположению слов и очертаниям рамки. Точно таким же клеймом снабжена эрмитажная амфора Энниона, являющаяся одним из самых ранних изделий мастера. Клеймо «Эннион делал» — самый ранний вариант его клейма — относится к тому периоду, когда его мастерская находилась еще в Сирии (скорее всего, в Сидоне). Впоследствии

³ Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 210. Табл. LXI: 1, 2; Кушина Н. З.: 1) Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 106–111. Рис. 7–12; 2) Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. Кат. 110, 111, 112. Цв. илл. 70–72.

⁴ Амфора Энниона хранится в Отделе античного мира ГЭ. Инв. № П. 1852.1. Найдена в 1852 г. в Керчи. Издана: Кушина Н. З.: 1) Сирийские выдутые в форме... сосуды... С. 102–106. Рис. 1–6; 2) Античное стекло... Кат. № 109. Цв. илл. 68, 69.

⁵ Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 514. Рис. 96.

⁶ Richter G. M. The Room of Ancient Glass // Supplement to the Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. 1911. June. P. 16.

⁷ Harden D. B. Romano-Syrian Glasses with Mould-blown Inscriptions // JRS. 1935. Vol. 25. P. 164.

⁸ Glass from the Ancient World. The Ray Winfield Smith Collection. Corning, N.Y., 1957. № 68.

⁹ Ibid. № 67.

¹⁰ Forbes R. J. Studies in Ancient Technology. Vol. 5. Leiden, 1957. Fig. 31.

¹¹ Israeli Y. Sidonian Mould-blown Glass Vessels in the Museum Haaretz // JGS. 1964. Vol. 6 и на фронтисписе.

она переместилась в Италию (вероятно, в Аквилею), где значительно расширила свое производство, а мастер сначала заменил скромную надпись «Эннион делал» на гордую «Эннион сделал», а затем, став знаменитым, употреблял вариант «Эннион сделал, помни, покупатель». Этот последний вариант встречается на сосудах, вышедших из италийского филиала мастерской Энниона¹².

Керченские ойнохои, ойнохоя из Музея Метрополитен и четыре подписных кувшина, перечисленные выше, безусловно являлись продукцией сирийской (сидонской?) мастерской Энниона, о чем свидетельствуют форма и орнамент, характерные для сирийских изделий этого мастера¹³, а на подписных экземплярах — и вариант клейма.

Сосуды этой группы исследователи относят к I в. н. э., иногда уточняя датировку. Подписной кувшина из Корнинга отнесен к началу н. э.¹⁴ Эрмитажные ойнохои М. И. Ростовцев на основании стилистического анализа датировал первой половиной I в. н. э., считая их более поздними произведениями мастерской Энниона, чем его подписная амфора. С этим нельзя не согласиться, учитывая тщательно разработанный и более сложный и богатый по сравнению с декором ойнохои орнамент амфоры, включающий растительные побеги, в том числе виноградные. Орнаментация амфоры Энниона напоминает украшения серебряной утвари позднеэллинистического и раннеримского времени. Но, являясь более поздними, чем амфора Энниона, ойнохои, вероятно, не выходят за пределы первой половины I в. н. э., ведь их орнамент, хоть и не столь богатый, как у подписной амфоры, все же достаточно детализирован, напоминая рельефный декор серебряных и глиняных сосудов этого времени.

Как нам кажется, есть и еще одно косвенное свидетельство сравнительно ранней даты этих изделий мастерской Энниона. Дело в том, что две из трех эрмитажных ойнохой сделаны не из одноцветного, а из пестрого стекла. Неудачное сочетание рельефной орнаментации с пестрой поверхностью сосуда, в результате чего пестрота мешает восприятию рельефного декора, может быть, указывает на какие-то поиски, свойственные первому периоду деятельности мастера.

Необходимо вкратце остановиться на технике пестро-пятнистой поверхности, которую впервые разгадал и объяснил Фр. Фремерсдорф¹⁵. Эта техника состояла в следующем. Держа на конце стеклодувной трубки горячий пузырь стекла одного цвета, мастер «обваливал» его в цветной стеклянной крошке. Расплавляясь, разноцветные колечки превращались в пестрые пятна, покрывающие наружную сторону сосуда. Таким способом стеклодел имитировал поверхность пестрой яшмы.

Подводя итог изучению первых двух стеклянных сосудов, можно констатировать, что в склеп были помещены две замечательные ойнохои, украшенные тщательно выполненным многоярусным рельефным орнаментом. Они сделаны в технике выдувания в форму. Для их изготовления применена разъемная трехчастная глиняная матрица. Ойнохой выполнены в первой половине I в. н. э. в мастерской знаменитого сирийского (скорее всего, сидонского) мастера Энниона.

3. Стакан. Инв. № П. 1896.31. Высота — 9 см, диаметр края — 7,3 см. Диаметр выступающей нижней части — 6,3 см Диаметр поддона — 3,7 см (рис. 3). Сделан

¹² См об этом: Кулина Н. З. Сирийские выдутые в форме... сосуды... С. 105–106.

¹³ Там же. С. 106.

¹⁴ Glass from the Ancient World... P. 57.

¹⁵ Fremersdorf Fr. Romische Gläser mit buntgefleckter Oberfläche // Festschrift für August Oxe. Darmstadt, 1938. S. 118.

из тонкого, почти бесцветного стекла с легким голубовато-зеленоватым оттенком; в месте утолщения (поддон) стекло ярко-зеленое.

Стенки стакана слабо вогнуты. Нижняя часть тулова скошена ко дну. Слегка отогнутый край стакана, выпуклый снаружи, внутри соответственно вогнут. Дно вогнуто внутрь и окружено плоским кольцевым поддоном, составляющим с ним одно целое.

Стенки сосуда украшены пятью горизонтальными гравированными поясками: в средней части тулова проходит сдвоенный поясок из двух близко расположенных линий; выше и ниже его, на равных от него расстояниях находится по одному пояску, а пятый расположен под краем стакана.

Стаканы этого типа, распространенные в античном мире, являются одним из вариантов так называемых *sarchesium*. Судя по качеству и цвету стекла, они, вероятно, происходят из мастерских Восточного Средиземноморья¹⁶. Дж. Хэйс относит такой стакан к продукции мастерских Сирии¹⁷.

Подобные экземпляры датируются 40–70-ми гг. н. э.¹⁸, третьей четвертью I в. н. э.¹⁹, I – началом II в. н. э.²⁰, концом I–II в. н. э.²¹

Стакан из склепа Деметры на основании совместных находок следует отнести к первой половине I в. н. э.

¹⁶ Matheson S. B. Ancient Glass in the Yale University Art Gallery. Yale, 1980. P. 41–42. № 112, 113.

¹⁷ Hayes J. W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto, 1975. P. 37. Cat. № 137; P. 168. Fig. 3; P. 196. Pl. 10:137.

¹⁸ Кушана Н. З. Античное стекло... Кат. № 298.

¹⁹ Dusenbery E. B. Ancient Glass from the Cemeteries of Samothrace // JGS. 1967. Vol. 9. P. 46. Cat. № 42. Fig. 42.

²⁰ Idem. Ancient Glass in the Collection of Wheaton College // JGS. 1971. Vol. 13. P. 21. Cat. № 31. Fig. 30.

²¹ Matheson S. B. Op. cit. Cat. № 112, 113.